

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

СКАЗКА О ТРОЙКЕ

«Добрые отношения связывали меня и с известной университетской тройцей – Вадимом Кулиничевым, Владимиром Сисикиным, Валентином Семеновым. Талантливы были все трое. Жаль, что так рано ушли».

Алла Борисовна Ботникова. «В те времена...»

«Народу не нужны безымянные герои. У нас их нет».
Братья Стругацкие. «Сказка о тройке»

В Воронеже мне, тамбовчанину, повезло сразу. В 1981 году я поступил на отделение журналистики филфака ВГУ на курс, который набирал Вадим Георгиевич Кулиничев. Через пару месяцев он притащил меня в Театр миниатюр ВГУ, где я впоследствии провел девять счастливых лет жизни. Театром руководил Владимир Степанович Сисикин – и это было мое второе везение. Ну а потом, уже в середине 1980-х, уезжавшая в Москву в Литинститут Ира Слюсарева передавала мне тему культуры в газете «Молодой коммунар». И тогда она решила перезнакомить меня со всеми «приличными», по ее словам, местными писателями и поэтами. Первым в том списке был Валентин Васильевич Семенов, тогдашний редактор отдела критики журнала «Подъем», с которым мы мгновенно нашли общий язык. Он и вправду оказался – самым приличным. Так мне повезло в третий раз...

Кулиничев, Сисикин и Семенов были однокурсниками, о чем в мои студенческие годы многие говорили как об одном из наиболее заметных достижений ВГУ. Это не было преувеличением, поскольку именно эта тройца, как представляется мне, наиболее полно и точно сумела выразить сущность явления, именуемого «шестидесятничеством». Были, конечно, в университете и другие яркие представители названного поколения, но, образно говоря, знамя того романтического племени в ВГУ надежно несли именно эти трое. До самого своего последнего дня, который по роковой случайности у всех троих оказался привязанным к цифре «60». В пятьдесят восемь ушел Кулиничев, в шестьдесят – Семенов, в шестьдесят один – Сисикин...

Самый старший из них по рождению и, пожалуй, главный заводила – Валентин Семенов.

У него даже фамилия была атаманская. Зажигался – с лёту, и сразу же в атаку: шашкой – р-р-р-аз! Он был сыном летчика, и до ВГУ успел поучиться в престижном МАИ, откуда его отчислили. Вроде бы за драку. Но, по-моему, без политики там не обошлось... Его звездным часом стала перестройка. Американцы говорят: однажды он проснулся, чтобы стать знаменитостью. Это и произошло с Семеновым 4 октября 1986 года. Редактор отдела провинциального литературного журнала, он тогда в одночасье стал одним из самых популярных отечественных публицистов эпохи. В очередной раз «рубанув шашкой», он опубликовал в газете ЦК партии «Советская культура» критические заметки об административно-партийном руководстве культурой в нашей области. То выступление Семенова было явлением невиданным и необычным, и при том – ярким и освежающим. Страх глубоко сидел во всех клетках общества, и осмелиться сказать пусть даже мелкому областному начальнику фразу типа: «прекратите орать!» – в Воронеже, казалось, было никому не под силу. Не под силу было и Семенову, однако он сумел сделать это... В жизни мы нередко спорили, но у нас был один общий плацдарм, который, отменяя все споры, мы вместе обороняли отчаянно плечом к плечу – это свобода слова. «Рад, что я с вами в одном «окопе», – надписал он нам с женой на своей последней книге...

Вторым по возрасту в этой тройце был Сисикин. Я почему-то убежден, что его с детства звали «Степанычем», поскольку мудрость и основательность всегда присутствовали в его облике. Оттого во времена, когда общество было нацелено на результат, он всегда старался разглядеть его последствия. В видениях Степаныча они всегда почему-то представлялись мрачными

(позже жизнь неоднократно подтверждала справедливость его предсказаний). Это было заметно уже в самых ранних его юношеских строках. Вряд ли кто еще в Воронеже начинал так рано, как Сисикин. Его дебют в журнале «Подъем» состоялся в 17 лет. И сразу — «Сердце стучало сильно. / У ног моих рос / Холмик маленький, / Холмик могильный, / Холмик из недокуренных / Папирос...». Холмик могильный... Так получилось, что смерть стала одной из центральных тем творчества Сисикина, поэта, прозаика, театрального режиссера. Почему — предмет отдельного разговора. Сейчас скажу лишь, что в его увлечении этой темой не было никакого эпатажа. Это был, скорее, настоящий рыцарский романтизм с его классическим мрачным индивидуализмом. И еще, конечно же — Игра. Степаныч был до мозга костей театральным человеком, умеющим ценить вкус настоящей большой Игры. Благодаря этому тема смерти приобретала у него множество оттенков и вариаций, являясь то в виде любви, то в облике памяти, то в клубке человеческих связей — как друг с другом, так и с теми поколениями, что были до нас и что будет после...

И, наконец, Кулиничев. Вадим Георгиевич был классическим вундеркиндом. Школьную десятилетку освоил досрочно. Причем с медалью. Студентом ВГУ стал, соответственно, в шестнадцать лет. Всё его бытие до этого момента уютно укладывалось в систему координат «дом — библиотека». Университет снес эту схему бурным жизненным потоком... Помню его рассказ о фольклорной практике в каком-то воронежском селе, на которую он отправился после первого курса. Мальчик-вундеркинд с блокнотиком, куда намеревался вносить научную классификацию обрядов (ну, прямо, как Шурик из «Кавказской пленницы») попал на сельскую свадьбу. «Девчонки там были — мои ровесницы:

румяные, дородные, не то, что у нас в городе, — рассказывал он мне, студенту. — И вот идут они, подружки невесты, к жениху. Несут каравай. А я смотрю и любуюсь: вот она, настоящая русская красота!.. Подходят к парню и вдруг громко, на всё село, произносят: «Вот тебе батон горячий, чтоб у тебя был ... стоячий»... Я чуть в обморок не упал! Считаю, что после этого случая я и потерял «идеологическую» невинность»...

Так ли оно было или как-то по-другому — не знаю. Но насколько помню, трагикомедия всегда была стихией Кулиничева. И на сцене Театра миниатюр, и в его научных работах, и в жизни. Сам он незадолго до своего ухода, так написал об этом: «Воплощение в искусстве полного и чистого проявления человеческих эмоций оказалось бы слишком буквальным и плоским, не будь чудесного сплава иронии и самоиронии»...

Конечно, они были идеалистами. Невоевавшие романтики, спасенные от рабства Великой Победой 1945 года. Питомцы Оттепели, конфирмованные в свободу Двадцатым съездом. Мечтатели из поколения обманутых надежд и несостоявшегося бунта... Фантазеры, «подснежники», они дали отечественной культуре «исповедальную прозу» в Москве, а в Воронеже — пронзительное по своей обреченности и незащищенности бытописание опыта детей войны. Спустя годы за тем опытом видится еще и умение сохранить лицо в условиях тотального безвременья и начальственного деспотизма. Кстати, результатом такого умения в свое время стал мой родной университетский Театр миниатюр, который в далеком уже 1961 году эта троица и основала.

... А в Воронеже мне и вправду — очень повезло. Потому что именно эти трое стали моими учителями. Не единственными, конечно, но очень важными. Во всяком случае, их уроки жизни я стараюсь не прогуливать никогда. До сих пор...